

ТЯЖКИЙ КРЕСТ ЧЕРНОБЫЛЯ

В начале восьмидесятых многие молодые ребята оставляли свои города и села, чтобы поселиться в уютном городке Припяти Киевской области и работать на Чернобыльской атомной станции имени Ленина. Привлекали реальная возможность получить квартиру, престижная работа. Тем более, что многие ученые тогда утверждали: управлять станцией не опаснее, чем включать тульский самовар.

Уехал в Припять и уроженец села Красновичи Унечского района Анатолий Кургуз. Чуть позже туда из Красновичей приехала Елена Шутова, ставшая затем его женой. Через несколько лет на их долю выпадут жестокие, нечеловеческие испытания.

На свадебной фотографии — торжественный зал припятского загса с колоннами, счастливые лица Толи, Лены и их друзей, шампанское. Все еще живы. И все еще впереди...

Учительница Красновичской средней школы Г. А. Акуленко рассказывала, что Толик был живым, умным и добрым ребенком. Занимался в театральном кружке и умел хорошо вживаться в роль, играл даже в чеховских пьесах. В том, что произойдет в 1986-м, Анатолию суждено будет сыграть особую трагическую и героическую роль.

Толик Кургуз — самый младшенький в семье Харлампия Дмитриевича и Улиты Ивановны Кургуз, рабочих совхоза «Красновичский». Он родился в 1957-м, поздний ребенок. А всего в семье пятеро детей. Отец еще до войны был на селе первым трактористом, после фронта руководил колхозом, труженик, каких не сыскать. И человек был чистый, честный. Умер, когда Толе было пятнадцать.

В школьном музее хранятся документы, рассказывающие об Анатолии. Посвященный ему альбом «Память» начинается стихами юной припятчанки Ани Чернацкой: «На эшафоте — память. А над ней палач вершит свой суд. С тревогой люди ждут вестей. С надеждой правды ждут».

Но и спустя десять лет после Чернобыля сказана не вся правда о нем. И хуже того, многое, когда-то сказанное, уже стерлось из нашей памяти.

Свидетельствует Елена Кургуз, 1988 год:

«Ну что рассказать о муже? Трудное это дело, особенно сейчас, когда его уже нет в живых. А память так много хранит.

Был Анатолий человеком обыкновенным. Радовался, когда получили квартиру. Как раз тогда у нас родилась дочка. Он очень любил детей. А когда появился на свет сын, то его восторгу не было конца.

Анатолий увлекался рыбалкой, играл на гитаре. В ту весну мы часто всей семьей ходили на Припять. Он сидел на берегу с удочками, мы с детьми отдыхали на свежем воздухе.

Последний перед аварией на станции день был тоже, в общем-то, обыкновенным. С ночной смены Толя пришел в девять утра. Позавтракав, лег спать. Вечером я с детьми гуляла по городу. Потом уложила их спать, а мы с мужем смотрели телевизор. В десять часов тридцать минут он ушел на смену, так и не досмотрев фильма.

Никаких особых предчувствий у меня не было. Хотя все же что-то было: мне очень хотелось почему-то выйти на балкон и позвать мужа, но удержала себя. Когда ночью случилась авария, и произошел взрыв, я проснулась. Это было в половине второго. Слышала грохот, но к окну не подошла. Думала, что на улице гроза, и опять легла спать. Утром с детьми ждали папу к завтраку. В десятом часу пришел мой брат (он тоже работал на станции) и сказал: «Произошла авария». А я ему говорю: «Хотя бы нашего отца беда миновала». Тогда я еще не особо волновалась.

Часов в одиннадцать к нам зашел знакомый из соседнего дома и сказал, что Толя обжег руку, ну «хватанул», как у нас было принято говорить об облучении. Я начала догадываться о большем и, собрав детей, заспешила в больницу. По дороге увидела, что машины моют улицы. Значит, был выброс...»

25 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС готовились остановить четвертый энергоблок на планово-предупредительный ремонт. В это время по утвержденной главным инженером Фоминым программе предполагалось произвести испытания. Был выбран катастрофический путь — испытания проводились при работающем реакторе. Помимо того, что в программе не были предусмотрены дополнительные меры безопасности, предписывалось отключение системы аварийного охлаждения реактора. Это означало, что в течение всего намеченного срока испытаний, около четырех часов, безопасность реактора окажется существенно сниженной. Что станет одной из грубейших ошибок, приведших к катастрофе.

Атомный энергетик и писатель Григорий Медведев восстановил события той роковой ночи, глубоко проанализировав истоки и причины катастрофы: «Олег Генрих и Анатолий Кургуз сидели в своем рабочем помещении после осмотра центрального зала и ждали задания на смену. Примерно за четыре минуты до взрыва

Олег вышел в соседнюю комнатушку. Анатолий сел за рабочий стол и внес запись в оперативный журнал. Его отделяли от центрального зала три открытые двери. Когда взорвался атомный реактор, высокорadioактивный пар с топливом хлынул в помещение, где сидел Кургуз. В крошечном огненном аду он бросился к двери, чтобы закрыть ее. И закрыл. Крикнул Генриху: «Очень жжет! Очень жжет!» Кургуз вполз в комнату к Генриху, и они оба легли на пол. «Здесь хоть можно было дышать. Не так жгло легкие», — вспоминал впоследствии Генрих.

Они подождали минуты три. Жар стал спадать (над головой открылось небо). Потом вышли в коридор. У Кургуза сварило кожу на лице и руках. Она висела лоскутьями. С лица и рук сильно шла кровь. По пути к блочному щиту управления к Генриху и Кургузу присоединились операторы газового корпуса Симеконов и Симоненко. В их сопровождении они направились вниз. Кургузу было очень плохо. Он истекал кровью. Ему трудно было помогать. Кожа под одеждой вздулась пузырями. Любое прикосновение причиняло нестерпимую боль. Откуда он еще брал силы идти своими ногами? Генриха обожгло меньше — спасла глухая комнатенка. Но оба «схватили» по шестьсот рентген...

До здравпункта, а он находился в административном корпусе первого блока, по коридору деаэраторной этажерки — метров четырех-пятьсот. — Сможешь дойти, Толя? — спросили ребята Кургуза. — Не знаю... Нет, наверное... Все тело болит... Все болит...

Вызвали «скорую» к административно-бытовому корпусу второй очереди. Спустились на нулевую отметку, вышибли чудом уцелевшее стекло в окне и через него вышли наружу...»

Бывший моряк, Анатолий знал, что, если горит трюм, его надо отсекал. Он вошел в радиоактивный пар и закрыл тяжелую герметическую дверь. Потом, облученный и обожженный огнем и радиацией, вывел из горящего ада своих товарищей.

Из письма Олега Генриха, бывшего оператора центрального зала четвертого блока, 1988 год:

«С большим вниманием и удовлетворением воспринял вашу просьбу рассказать о своем товарище, комсоре блока Анатолии Кургузе. С Толей познакомились осенью 1983 года, когда перешли работать на четвертый блок, где только начинались пуско-наладочные работы. Он был оператором центрального зала еще с пуска третьего блока и был к тому времени знающим свое дело специалистом. Мы же только начинали осваивать работу оператора АЭС.

Так случилось, что Толя с другими уже опытными ребятами из нашего цеха с первых дней знакомства стал для нас товарищем и наставником. А несколько позднее нам довелось жить в одном доме. Анатолий запомнился жизнерадостным, веселым, общительным человеком. У него было сильно развито чувство юмора, он был душой

любой компании. Мы не можем вспомнить ни одного человека, который бы плохо к нему относился.

При всех этих качествах Толя был очень ответственным за свои поступки. Любой новичок чувствовал себя рядом с Кургузом спокойно и уверенно. Не случайно Толя был комсоргом нашей смены.

Взрыв застал меня и Толю в операторской центральной зала. Мы оказались в нескольких метрах от эпицентра. Нас разделяла одна стена. Можно представить себе наше состояние, когда все вокруг стало рушиться, погружаться в темноту, когда отовсюду рвались горячий пар и кипяток. В этой обстановке Толя среагировал быстрее меня. Он первым сообразил, что нужно делать, и сделал все возможное, чтобы мы могли оттуда выбраться.

За два прошедших года я не раз вспоминал те страшные минуты. Анатолий Кургуз не только мне спас жизнь, он и других вывел из блока в безопасное место. И уже там, когда начал терять сознание, мы увидели, как обожжен наш комсорг, каких сил это все ему стоило...»

Из письма Елены Кургуз:

«...В больнице мне сказали, что Толя лежит под капельницей. Делать было нечего, так как туда никого не пускали, пришлось идти домой. А дом уже был, как разбуженный улей. Соседи сказали, что будет эвакуация. Я собрала в сумочку документы.

Вечером снова ходила в больницу, там висело объявление, что навещать больных нельзя, запрещались передачи. А в городе в этот выходной было весело и обычно, волновались только те, у кого кто-то попал в больницу.

Вторую ночь я совсем не спала, в ожидании чего-то ходила от окна к окну. Дети спали одетыми. Радио было включено на всю громкость, но никаких сообщений не было. Потом ночью по квартирам ходили медики, раздавали таблетки. Об эвакуации не говорили.

Утром к нам зашел незнакомый человек и сказал, что Толю увезли в Москву, просил не волноваться. Тогда я стала думать о детях. Ведь мы все были в полном неведении о том, что происходит в городе...

В час дня прозвучало сообщение об эвакуации. Собираться было трудно, в это время сыну было только четыре месяца, дочке два года. Помог мой брат, хотя я особенно ничего с собой не брала. Собравшись, два часа ожидали на улице».

В это время тысяча сто автобусов уже растянулись по всей дороге от Припяти до Чернобыля на двадцать километров. На площади перед горкомом КПСС — лучшей площадки не оказалось — сидели вертолеты, которым предстояло сбросить тысячи тонн песка и других сыпучих материалов в огнедышащий зев реактора. Началась самоэвакуация.

Эвакуируемым дали рекомендации: одеваться легко, вывозят на два-три дня, двери закрыть на замок, сохранность квартир обеспечит милиция.

Лена уезжала в одном платье. Это был сущий ад: жарища, слезы, прощание с домашними животными, страх. Ехали больше двух суток. Останавливались, их не принимали, ехали дальше. Многие шли пешком. Наконец Лену с детьми приютили в Полесском районе.

Все Толино тело превратилось в сплошную боль. Возможности припятской медицины были весьма ограничены. Врачи и сами переоблудились. Сильно излучали больные.

Из письма Олега Генриха:

«Анатолия отправили в Москву самолетом с первой партией самых тяжелобольных. И даже среди них у него было наихудшее состояние. Но от него не слышали стонов. Через день нам разрешили пройти к нему в палату. Он был весь перебинтован, лицо полностью обожжено. Увидев нас, заулыбался, хотя стоило ему это огромных усилий. Анатолий просил написать жене, что с ним ничего страшного не произошло, что все это ненадолго. Жалел, что не сможет вернуться на станцию к ребятам. Из рассказов Анатолия мы знали, что он очень привязан к Брянщине, часто тоскует по своим Красновичам. Он даже в бреду вспоминал свое село. Он был очень мужественным человеком и за свою жизнь боролся до конца. Никто из окружающих не слышал от него ни жалоб, ни стонов, хотя умирал он очень мучительно. О последних часах и минутах Анатолия рассказал медперсонал.

Вскоре Лена с братом приехала в Москву, туда же прибыли другие родственники Анатолия. Там все узнали, что он в крайне тяжелом состоянии. Облученные лежали на высоких наклонных кроватях без одежды. Многих больше, чем боль, мучил вопрос: почему? Почему это произошло?

Анатолий умирал, но родных к нему не пускали. Когда Лена все же добилась пропуска и поднялась к нему, его уже выносили из палаты. Потеряла сознание...

На похоронах ближе, чем на десять метров, к могиле их не пустили. Хоронили Толю в запаянном цинковом гробу люди в масках и белых одеждах.

Могилы двадцати шести пожарных и атомных операторов, первыми принявших на себя удар ядерной стихии, на Митинском кладбище в нескольких десятках метров от входа, налево. Они боролась вместе и лежат вместе. В. Правик, В. Кибенок, Н. Вашук, Н. Игнатенко, Н. Титенок, В. Тишура, А. Кургуз, В. Лопатюк...

В Красновичах все Толю знают и помнят. Веселый, аккуратный, ответственный, из хорошей семьи, да у них все дети такие, рассказывают учителя. В школьном музее хранится Толино свидетельство подводника, он ведь служил на Тихом океане и погружался на глубину сто метров. «Отныне ты принадлежишь к линии несгибаемых, стойких и отважных, дерзких и находчивых. Пути-дороги твои — на меридианах мужества!»